

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

ОЛЕГ ГРЕЙГЪ
ОЛЬГА ГРЕЙГЪ

ЗДРАВСТВУЙ,
СТАЛИН!

ЭПОХА КРАСНОГО
ВОЖДА

Олег Грейгъ
Ольга Ивановна Грейгъ
Здравствуй, Сталин!
Эпоха красного вождя
Серия «Русская история (Алгоритм)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17377289

Олег и Ольга Грейг. Здравствуй, Сталин! Эпоха красного вождя:

Алгоритм; Москва; 2015

ISBN 978-5-906798-75-6

Аннотация

Что знал о своем происхождении человек, которому силой своего титанического ума суждено было сотрясти Историю и многое изменить в XX веке? Говорят, величайшая личность Иосиф Сталин – сын грузинского народа. Есть версия, что этот горец происходил из великого рода грузинских царей. Сам вождь догадывался о своем исключительном происхождении и о том, что отмечен высшей силой для значительных, таинственных дел. Думал ли вождь «всех времен и народов» о своей миссии на земле? Думал ли он о будущем страны, которой управлял? Думал ли о том, кто продолжит его дело? Сенсационные версии рождения, жизни, деятельности и смерти, объясняющие загадку личности И. В. Сталина, – в книге известных публицистов Олега

и Ольги Грейгъ. Книга также издавалась под названием «Русский царь Иосиф Сталин, или Да здравствует Грузия!».

Содержание

Вступление	6
История 1	8
История 2	35
История 3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Олег и Ольга Грейгъ Здравствуй, Сталин! Эпоха красного вождя

© Грейгъ О., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Вступление

Мужчина, над которым однажды засветился перст величия, может оказаться перед дилеммой: кто *он*, зачем нужен он Создателю, женщине, обществу, близким людям... Если говорить о величии, то сразу в нашем сознании возникает ассоциация с титулом «ваше величество», т. е. правитель, сюзерен, монарх, – словом, первое лицо огромного количества лиц очень большой территории. К таковым странам относится и великое государство, именовавшееся прежде Российская империя, а после – Советский Союз.

Конечно, какие бы нравственные цели ни преследовал первый человек, он будет один. А уж коснулась ли его небесная длань, почувствовал ли он перст величия – на то избирательная воля Божья. Однако не будет нареканий, если сказать, что величайшей личностью XX столетия был сын грузинского народа Иосиф; горец, а вот ведь какую оставил молву о себе! – такую славу, от которой русский народ стал еще более величествен в своем трагизме существования.

Думал ли вождь «всех времен и народов» о своей миссии на земле?

Думал ли он о будущем страны, которой управлял?

Думал ли о том, кто продолжит дело его?

На все эти вопросы пытались и пытаются ответить многие.

Но для того, чтобы приблизиться к истинному ответу хотя бы на один из них, следует задаться иными вопросами.

Любил ли вождь историю, знал ли ее, использовал ли опыт предыдущих поколений? Может, для кого-то это будет открытием, но Сталин внимательно читал сохранившиеся манускрипты, документы, легенды и поэтические сказания об исторических событиях и их персонажах... Не только читал, но и анализировал ощущения и восприятие Истории (ведь он уже был сопричастен Истории).

Многое взял из старины далекой, от разных народов и разных эпох.

И... перечеркнул все, что знал.

Потому как пришел к выводу четкому и ясному: *потомки должны о нем, великом, знать все, что угодно, только не то, кем он был на самом деле.*

Вот сидит перед нами человек, исполненный знаний. Он думает, вспоминает и говорит. При том, что он знает больше, чем говорит...

История 1

Как юмор превращается в золотую звезду героя

В бытность моей учебы в военно-учебном заведении много довелось услышать историй от бывалых офицеров. Некоторые из этих историй постепенно становятся известными, некоторые обрастают небывалыми подробностями, становясь похожими на легенды, а некоторые легенды, сотворенные во времена СССР, лопаются как мыльные пузыри, густо сбрызгивая участников событий зловонной жижицей. В чем правда и где тут ложь? Занятие, поверьте мне, совершенно бессмысленное. Потому как истинно одно: *у каждого своя правда*. А еще в народе говорят: *хотите верьте, хотите – нет...* Есть и другая модная фраза: *истина где-то рядом*. Но все это всего лишь интерпретация библейского глагольствования: *имеющий уши да услышит*.

В 1968 году мемуарная литература пополнилась очередным шедевром истории военного искусства «Генеральный штаб в годы войны». Автор – оператор Генштаба Красной армии в годы Второй мировой войны Сергей Матвеевич Штенко. Он интересовал меня не только как военачальник и знаток штабной работы, но и как человек, закончивший в

1930 году Севастопольскую школу зенитной артиллерии. Само название Севастополь для меня священо, ведь это мои родные места.

Штеменко Сергей Матвеевич 17(20).2.1907, станция Урюпинская, ныне г. Урюпинск Волгоградской обл., – 23.4.1976, Москва/, советский военачальник, ген. армии (1968) (здесь умышленная ошибка; Штеменко генералом армии стал с назначением на должность начальника Генштаба Вооруженных Сил СССР в 1948 г., затем был понижен в звании, а в 1968 г. восстановлен в звании генерала армии. Далее также есть неточности и умалчивание.). Чл. КПСС с 1930. Род. в крест. семье. В Красной Армии с 1926. (Сведения, выделенные курсивом здесь и далее (если не указаны иные источники), взяты из «Большой Советской энциклопедии», М., Изд-во «Советская энциклопедия», 70-е годы).

В канун Второй мировой войны, в 1937-м, Сергей Матвеевич закончил Военную академию механизации и моторизации РККА. А в 1940-м после окончания Академии Генштаба был он определен на службу в этот высший рабочий орган Наркомата обороны (НКО). В августе 1941 был назначен на должность заместителя начальника направления, затем он же его возглавил и руководил до апреля 1943 года. За это время последовательно был удостоен воинских званий генерал-майор и генерал-лейтенант. Затем стал первым замом, а через месяц начальником оперативного управления

Генштаба. В том же году был удостоен воинского звания генерал-полковник.

Штеменко пользовался особым уважением и авторитетом как высокопрофессиональный оператор военного искусства у Верховного Главнокомандующего и как правило, с его согласия, прежде чем приступить к разработке той или иной стратегической операции, отправлялся на фронт для изучения обстановки на месте.

Так, в 1943 г. он был направлен в Отдельную Приморскую армию в группе Маршала Советского Союза Климента Ефремовича Ворошилова. После проведенного Военного совета, в котором участвовали представители Северо-Кавказского направления, Черноморского флота, командования Отдельной армии и других войск, был составлен проект решения. Председательствующий на Военном совете член Политбюро ЦК ВКП(б) Ворошилов внес предложение, что столь ответственный документ должны подписать командующие, члены Военного совета и начальники штабов. В итоге получилось десять подписей.

На что Сергей Матвеевич заметил: «Климент Ефремович, столь ответственный документ не следует подписывать таким большим количеством людей».

Реплика вызвала неудовольствие маршала: «Вы не уважаете участников совещания, молодой человек!»

Генерал-полковник сделал последнюю попытку исправить ситуацию: «Товарищ маршал, документ должен быть подпи-

сан вами и мной как представителями Ставки и Генштаба. В противном случае... это крайне не понравится товарищу Сталину».

Но, несмотря на прозвучавшее имя, довод Ворошилову показался необубедительным и документ с десятью подписями оказался на столе у Верховного Главнокомандующего.

По истечении времени, когда замысел операции был воплощен в жизнь, и войска 4-го Украинского фронта, Приморской Отдельной армии Черноморского флота освободили Крым и Севастополь от гитлеровских захватчиков, 9 мая 1944 года Верховный Главнокомандующий отметил участников боев и разработчиков операции соответствующими знаками внимания. Многие получили весьма высокие полководческие награды; при этом первый заместитель начальника Генштаба Алексей Иннокентьевич Антонов представил и своего подчиненного генерала Штеменко к ордену Суворова 1-й степени.

Когда Антонов вошел в кабинет вождя и доложил ситуацию на фронтах, он заметил выражение удовлетворения на лице Сталина. Закурив, тот сказал: «А теперь давайте красную папку». Следует при этом заметить, что руководитель страны никогда не подписывал никаких документов внимательно не изучив их. То же произошло и на этот раз. Он взял «наградную» папку, раскрыл ее и глазами пробежал по списку фамилий; понятное дело, вождь просматривал их и ранее.

Вот синий карандаш в руках Сталина остановился напротив фамилии Штеменко, зачеркнул надпись «1-й степени» и сбоку написал: «2-й степени». А вслух Сталин добавил: «Будет знать, как па-адписывать документы». Так наряду с другими наградами, которых был удостоен Сергей Матвеевич за время своей службы в Вооруженных Силах СССР, рядом с двумя орденами Суворова 1-й степени (платиновыми) стал красоваться Суворов 2-й степени (золотой).

Пройдет чуть более года после этих событий и генерал станет первым замом начальника Генштаба, возглавит Главное разведывательное управление (ГРУ). В ноябре 1948 он будет удостоен звания генерал армии и назначен на соответствующую воинскому званию Маршал Советского Союза должность начальника Генерального Штаба Вооруженных Сил СССР, где продержится по июнь 1952 г.

Одновременно он будет и первым заместителем министра обороны СССР. Но в связи с реорганизацией в Вооруженных Силах страны, будет освобожден от занимаемой должности и вновь назначен начальником ГРУ.

После кончины вождя пришедший к власти Никита Сергеевич Хрущев не без помощи лизоблюдов из военного ведомства, мгновенно сориентировавшихся в складывающейся обстановке и проведших массу интриг, освободил генерала армии Штеменко от занимаемой должности, понизил в

воинском звании до полковника и отправил служить в Закавказский военный округ, где на должности начальника штаба войск округа уже находился генерал армии Алексей Иннокентьевич Антонов. Он был возвращен сюда еще в 1946 году. Следует заметить, что Антонов, невзирая на свой исключительный профессионализм и такт, был чем-то неприятен вождю. Известно лишь, что начальник Главного оперативного управления генерал Василевский в 1942 году, и то с третьей попытки, убедил Сталина в целесообразности перевода из Закавказского военного округа начальника штаба генерала Антонова в Москву. Но, как оказалось, ненадолго...

Теперь Антонов, встретив в штабе войск округа своего недавнего подчиненного, сразу же предложил ему должность своего заместителя и начальника оперативного отдела штаба округа. Алексей Иннокентьевич питал добрые чувства к Штеменко не только как к профессионалу, но и как к надежному человеку, с которым хватил не один фунт штабного лиха. Не следует исключать и того, что генерал армии Антонов рассчитывал, что благодаря своему такту, дару убеждения и прозорливости он все-таки сумеет в кратчайшие сроки подвести базу к тому, чтобы столь незаслуженно наказанный коллега по военной службе был восстановлен в своем высоком воинском звании.

Но не тут-то было.

В Москве внимательно следили за новыми опальными военачальниками, контролируя каждый их шаг.

За десять следующих лет Сергею Матвеевичу пришлось вновь последовательно пройти все ступеньки соответствующих воинских званий и должностей и в июле 1962 года в силу сложившихся обстоятельств (очевидно, сработали все-таки прозорливость и усилия Антонова, работавшего в это время в должности начальника штаба Объединенных Вооруженных Сил государств – участников Варшавского Договора) Штеменко – уже генерал-полковник – был назначен первым заместителем Главнокомандующего Сухопутными войсками. На должности, соответствующей тогда воинскому званию генерал армии. Но до возвращения ему этого воинского звания было еще более шести лет!

В апреле 1964 года Штеменко назначается заместителем начальника Генштаба ВС СССР, а в августе 1968-го, когда у власти находился Леонид Ильич Брежнев, он был восстановлен в воинском звании генерал армии и назначен начальником штаба Объединенных Вооруженных Сил государств – участников Варшавского Договора.

Объединенные Вооруженные Силы государств – участников Варшавского Договора с 1967 года возглавлял первый заместитель министра обороны СССР Маршал Советского Союза (в том же году ему было присвоено это звание) Иван Игнатьевич Якубовский. Который всячески препятствовал назначению Штеменко на эту должность. Ибо начальник шта-

ба одновременно являлся и первым заместителем главнокомандующего, т. е. его самого.

Это противостояние неудивительно, его истоки следует искать в пороховые-сороковые...

В годы минувшей войны Якубовский последовательно командовал танковым полком, бригадой, был заместителем командира танкового корпуса, части и соединения которого принимали участие во многих решающих сражениях на советско-германском фронте.

Якубовский Иван Игнатъевич /25.12.1911 (7.1.1912), дер. Зайцево, ныне Горещкого р-на Могилевской обл., – 30.11. 1976 (жаль, что в энциклопедиях не указывается от чего умирает человек. Наверняка бы здесь было написано: умер от непомерного обжорства и пьянства; вес полководца в последние годы жизни был не менее 150–160 кг, а вес его жены – наверняка все 180 кг) /, советский военачальник, маршал Сов. Союза (1967), дважды Герой Сов. Союза (10.1.1944 и 23.9.1944), Герой ЧССР (1970). Чл. КПСС с 1937. род. в семье белорус. крестьянина. В Сов. Армии с 1932. Окончил Объединенную Белорус. Воен. школу (1934), Ленингр. Бронетанк. курсы усовершенствования комсостава (1935), Воен. академию Генштаба (1948). Участвовал в сов. – финл. войне 1939–40. И т. д. Деп. Верх. Совета СССР 6–9-го созыва. Чл. ЦК КПСС с 1961. награжден 4 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, 2 орденами Суворова 2-й степени, орденами Отечеств. войны 1-й степени, Красной Звезды, «За

службу Родине и Вооруж. Силах СССР» 3-й степени, Почетным оружием, медалями, а также орденами и медалями иностр. гос-в. Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

Конечно, Штеменко в годы войны не являлся непосредственным начальником Якубовского, но будучи чрезвычайно принципиальным и дотошным, как и его начальник генерал Антонов, он в буквальном смысле слова щепетильно и скрупулезно исследовал сражения, проведенные советскими командирами, которые представлялись к высшим правительственным наградам и к званию Героя Советского Союза. В обоих случаях присвоения Якубовскому Золотой Звезды Штеменко обнаружил подлоги и подтасовки в представленных фактах о проведении военных операций. Естественно, Сергей Матвеевич доложил об этом Антонову. Алексей Иннокентьевич обещал подумать, а через какое-то время вновь вызвал Штеменко. И порекомендовал... не делать из этого шума.

Тогда же Штеменко понял, что какие-то неведомые ему силы оказались выше его принципиальности и справедливости, выше принципиальности и справедливости Антонова.

По окончании войны Якубовский, уже будучи генералом, на одной из пьянок, проходивших на дачах Министерства обороны под Москвой, услышал в разговоре о том, что якобы Штеменко препятствовал и был категорически против награждения его двумя Золотыми Звездами. Будучи в сильном

опьянении, огромный генерал, проявляя дремучую безграмотность, материл Штеменко на чем свет стоит. Невзирая на то, что большинство собравшихся были подшофе, многим запомнились воинственно-хвастливые слова: «Да я – Якубовский, я – сталинский сокол и именно такие, как я, победили фашистскую гидру!» Присутствующие на пьянке два авиационных генерала, Герои Советского Союза, вслух высказали недоумение, мол, с каких это пор танкисты стали сталинскими соколами. Ведь всем известно, что народ, писатели и журналисты так окрестили летчиков. Другие, посмеиваясь, подметили: «А что такое фашистская гидра?»

Когда началась подготовка к XX съезду КПСС, в числе лизоблюдов и генералов Великой Отечественной войны, побежавших к кормушке Хрущева, был и генерал-лейтенант Якубовский. Этот деревенский мужик, который ни одного дня не работал на земле, каким-то идиотским чувством ощутил что надо бежать к кормушке, и неудивительно: управлял-то кормушкой такой же мужик, не любивший землю и никогда не хотевший на ней работать, а лишь призывавший отдать все силы труду. И вот тут-то блестяще проявился «воинский» талант и искусство ссучившегося человека в системе; но не все оказались таковыми. Среди тех, кто не хотел пресмыкаться, были Штеменко, Кузнецов, Галлер и другие военачальники. Это конечно, крайне не понравилось хозяину кормушки, ибо, будучи не по локоть, а весь в крови своих

жертв (то, что Хрущев палач, не менее страшный, чем Берия, Ежов и им подобные, до сих пор усердно замалчивается...), он требовал от еще вчера кричавших: «За Сталина!» осудить умершего вождя и «Аллилуйя!» петь ему, новому вождю и кормильцу.

Вот тут-то Ивану Игнатьевичу и простор для подлых действий, уж он-то хорошо, даже будучи в сильном опьянении, запомнил слова какого-то пьяного генерала, сказавшего кто пытался помешать ему получить заветные Звезды Героя.

Что только он не наговорил в своем рапорте на Штеменко!

Если прочитать рапорт, то окажется, что во всех бедах, которые принесла нам война, виновен один генерал Штеменко. Что эта бездарность загубила цвет советского офицерства, генералитет, что этот человек разрушил военную разведку, пытался деморализовать работу Генштаба и что отсталость Вооруженных Сил нашей страны целиком и полностью на совести этого штабного работника... Красноречиво и категорично...

Неужели доносительство – истинное занятие советских генералов в мирное время?

И вот наступил 1968 год. Повеяли новые ветры. Хрущев был уже на пенсии, а у власти новый человек. Которому тоже у кормушки нужны были свои преданные люди, свои герои. А где их искать? Да все там же, среди прежних...

Еще почти четыре года назад Иван Игнатьевич легко уло-

вил своей широкой физиономией, откуда и куда веет ветер. И уже будучи на должности 1-го заместителя Главнокомандующего Группы советских войск в Германии (кстати, эту должность он получил за свое лизоблюдство перед Хрущевым сразу после XX съезда КПСС, в 1957 г.), вновь в Кремль отправляет «чистосердечное» письмо-рапорт члена КПСС с 1937 года Ивана Игнатьевича Якубовского о верности ленинскому Центральному Комитету партии, возглавляемому новым верным ленинцем дорогим Леонидом Ильичом Брежневым.

Подобное обращение к новому генсеку, ставшее впоследствии вполне официальным, еще не было принято в таком вот виде. И не считать ли автором сего обращения товарища Якубовского?

После поступившего «чистосердечного» письма Ивана Игнатьевича вызвали в ЦК партии и заслушали на Главном военном совете. Ему задали вопрос: «Каким вы видите дальнейшее совершенствование Советской армии?» Не задумываясь, генерал ответил: «Совершенствование Советской армии всегда находилось в прямой взаимосвязи с решениями Центрального Комитета родной Коммунистической партии». Мощный голос генерала вызвал бурные аплодисменты у членов ГВС.

И тут же последовало назначение на один из самых мощных военных округов – на должность командующего войсками Киевского военного округа.

До недавнего времени там руководил хрущевский лизоблюд Маршал Советского Союза Петр Кошевой. Кстати, в телефонном разговоре с отдохавшим на даче в 5–6 км от Адлера в октябре 1964 года Никитой Сергеевичем он обещал «в случае чего...» силами войск округа поддержать друга Никиту... Но Пленум в Москве состоялся без присутствия Первого секретаря ЦК Хрущева, где Никиту Сергеевича сняли, а Кошевой словно бы забыл об обещании «в случае чего...» и наряду с другими фальшполковниками быстренько побежал на поклон к новому хозяину Кремля. Но места у кормушки ему не досталось...

Должность в Киеве главного военного руководителя соответствует званию Маршала Советского Союза. Мог ли ею доволствоваться Якубовский? Да, мог, но что-то подтачивало его сознание, что-то давало жгучую надежду, что и это – не предел.

И оказался прав. Леонид Ильич не забудет верность мятущегося дворового пса. Во главе войск братских стран Варшавского Договора ему нужен был не такой человек, как Антонов, несколько лет назад скоропостижно скончавшийся, не его последователи. Над этими войсками нужен был унтер с лампасами, который в случае чего, не раздумывая и не задавая вопросов, мог бы плетью гнать войска на подавление инакомыслия в странах войск Варшавского Договора. В общем, такой, как Якубовский.

Интриги и игры продолжаются. Иногда побеждают умные, но чаще – дураки...

И вот к этому Якубовскому начальником штаба назначают Штеменко. Ивану Игнатьевичу, скорее из-за скудости мышления, невдомек: почему Штеменко к нему первым замом? Как так? Кто позволил? Зачем?

Иван Игнатьевич поднял трубку связи ВЧ и гаркнул: «Соедините меня с министром обороны!»; и тут же до его слуха донесся знакомый голос, который он в запале не смог узнать: «Я вас слушаю, Иван Игнатьевич...».

Не знал, ох, не знал Иван Игнатьевич, что мужчины, обладающие, как и он, басом, приходят в шок от голоса мужчин, имеющих баритон, но которых они не видят, и, согласно законам физиологии, он впал в шоковое оцепенение. Он даже не сообразил, что когда бросил повелительно в трубку: «Соедините меня с ...», то сработала синхронно высокочастотная связь, и на другом конце провода трубку поднял министр обороны СССР, Маршал Советского Союза Андрей Антонович Гречко. Опешивший Якубовский поперхнулся, а из трубки снова повторили: «Я вас слушаю, Иван Игнатьевич». Но, очевидно не надеясь услышать что-либо вразумительное, министр добавил: «Иван Игнатьевич, приезжайте, я вас жду».

Якубовского охватила лихорадочная дрожь.

Знавшие его люди утверждали, что в минуты страха он истекал потом и был вонючий как кнур.

Этот животный страх появился после того как он с должности командира дивизии был выдвинут на должность командующего объединением. Нет, он боялся не подчиненных, закаленных в боях полковников и генералов.

Страх появился перед вышестоящими начальниками, ибо этими начальниками были те люди, которые в годы войны командовали армиями и фронтами, и немало из них было в фаворе у товарища Сталина еще в то время, когда он только поднялся на ступеньку старшего офицера. И оказавшись в силу обстоятельств в ранге командующего объединением, он не знал что делать, с чего начать...

Не помогало и академическое образование. Да и какое там образование, когда вместо того, чтобы осваивать тактику и стратегию, – что трудно давалось, Якубовскому достаточно было вовремя закричать преподавателю: «Я – дважды Герой Советского Союза, полковник! Я животом исползал всю войну».

Знавшие себе цену преподаватели академии просто не считали нужным перечить дважды Герою-хвастуну, бахвалившемуся, как он, пузом (и это-то сидя в танке, а чаще в «виллисе»!) пропахал полстраны. Так пролетели годы учебы в академии; знаний не прибавилось, ибо то, что говорилось на лекциях, не воспринималось, зато регулярно получаемая зарплата всегда пропивалась в попойках с такими же собутельниками, как и Якубовский.

А в одночасье появившийся страх больше никогда его не оставлял. И когда он стал первым заместителем главкома ГСВГ, и когда командовал войсками Киевского военного округа, и вот теперь, когда возглавил войска Варшавского Договора.

Нареканий со стороны ЦК партии в его адрес не было, но то была заслуга не его, а офицеров штабов, командиров соединений и командующих объединениями. Которые не заглядывали в рот Маршалу Советского Союза, а в силу своих знаний и умения управляли тысячами и тысячами людей, причем чаще не за страх, а за совесть в деле служения Родине.

Пришедшему к руководству Вооруженными Силами СССР после смерти Маршала Советского Союза Родиона Яковлевича Малиновского весной 1967 года его первому заместителю Маршалу Советского Союза А. А. Гречко, в соответствии с задачами и требованиями *сегодняшнего дня*, ЦК партии поставил задачу: более активно и напористо, чем его предшественник, взяться за оснащение новейшими вооружениями вверенных ему Вооруженных Сил. Должность обязывала его встретиться и с важным силовиком – председателем КГБ СССР; на встрече прозвучало мнение, во многом совпадавшее с позицией самого маршала. Руководитель КГБ Андропов прежде всего ориентировался на смену кадрового состава руководства Министерства обороны, Генерального штаба и командования видов, округов и флотов. Были на-

званы имена советских военачальников, использование которых комитет не считал целесообразным. Прозвучало и имя Якубовского, но председатель комитета, снизив голос до полупшепота и наклонившись к Гречко, произнес: «Но, Андрей Антонович, вы же понимаете, что Ивана Игнатьевича уважает Леонид Ильич. Я надеюсь что вы деликатно решите этот вопрос. Но а если...»

Никаких «если» быть не могло; Андрею Антоновичу Гречко тоже надо было формировать свою команду, тут они сошлись. По лицу маршала пробежала светлая тень и его уверенный баритон заполнил пространство большого кабинета: «Это вполне решаемый вопрос, Юрий Владимирович». «Ну и прекрасно, Андрей Антонович». На том и расстались.

Вернувшись в свое министерство, маршал вызвал начальника Главного управления кадров и высказал ему уже принятое решение: «Подготовьте проект постановления Совета Министров о назначении на должность начальника штаба войск Варшавского Договора – 1-го заместителя Верховного Главнокомандующего войсками... генерала армии Штеменко Сергея Матвеевича». И добавил: «Согласовывать ни с кем не надо, министры обороны братских стран хорошо знают генерала. Я думаю, что Леонид Ильич позитивно отнесется к его кандидатуре, потому что в недавнем разговоре он лично спросил меня, почему Малиновский не представил Штеменко к званию Героя Советского Союза на юбилейную дату окончания войны. И еще... вместе с назначением подго-

товъте материалы на восстановление его в воинском звании генерала армии».

Назначение и восстановление состоялось через несколько дней в Кремле. Возвращая Бриллиантовую Звезду генералу армии, Брежнев сказал: «Товарищ Штеменко, я думаю, мы вскоре прикрепим сюда алмазы Маршала Советского Союза». Леонид Ильич, плохо выговаривающий «р», не сказал: мол, еще бриллианты прикрепим, когда очередное звание дадим, а сказал: «алмазы». Присутствующий при этом маршал Гречко понял, что попал в яблочко.

Вошедший адъютант произнес: «Товарищ министр, маршал Якубовский в приемной». – «Зови», – коротко ответил тот.

Вошедший Иван Игнатьевич стараясь казаться молодеватым, щелкнул каблуками и, задрав оплывший подбородок, гаркнул на всю мощь своих легких: «Товарищ министр обороны СССР, Главнокомандующий войсками государств – участников Варшавского Договора, 1-й заместитель министра обороны СССР Маршал Советского Союза Якубовский прибыл по вашему приказанию!»

Министр дал ему возможность выкричаться, надеясь тем самым расположить его к человеческому разговору, а не долдонить по обыкновению раз и навсегда заученные слова о верности ЦК КПСС; но Якубовский, как всегда в таких случаях, раскрыл папку, вынул из нее лист бумаги с подготов-

ленной офицерами-операторами сводкой по состоянию дел во вверенном хозяйстве. Министр вышел из-за стола, жестом руки остановил попытку маршала зачитать текст информации и подойдя к нему, забрал лист, сложил его и положил на стол заседаний. Затем взял Ивана Игнатъевича под локоть и провел за журнальный столик, усадив в мягкое кресло. Грузная фигура 1-го зама министра обороны, казалось, заполонила пространство большого кабинета, она не потерялась даже когда он оказался в этом массивном кресле.

«Иван Игнатъевич, я пригласил вас для того, чтобы успокоить вас в связи с назначением начальником штаба генерала армии Штеменко. Как вы понимаете, его кандидатура одобрена Леонидом Ильичом». «Но я... я член...» – «Да-да, вы как и я, Иван Игнатъевич, член ЦК КПСС, и я, принимая это во внимание, задним числом каюсь. Наверное, следовало предварительно оговорить назначение с вами. Но давайте рассудим: фигура Сергея Матвеевича разрешалась выше, чем мы с вами находимся, – в Политбюро. И я как член ЦК КПСС обязан подчиниться рекомендациям и пожеланиям товарищей из вышестоящего партийного органа... Надеюсь и вы, Иван Игнатъевич...» «Но вы знаете, Андрей Антонович...» – невнятно произнес Якубовский, отпил несколько глотков воды из поданного ему министром стакана, было слышно как хрусталь стучит о его зубы. – Но вы знаете, он доносил на меня Сталину в годы войны». – «Иван Игнатъевич, побойтесь Бога, – спокойно и убедительно продолжил

министр, – Сергей Матвеевич в годы войны был в столь высокой должности, что лично вас, старшего офицера, он знать не знал и ведать не ведал. Да и с какой стати ему на вас доносить?»

Министр весьма подробно знал ситуацию, в которой в данный момент оказался Якубовский, и его задача заключалась как раз в том, чтобы не раззадорить, а сгладить острые углы и тем самым добиться по крайней мере деловых взаимоотношений.

Но маршал Якубовский не унимался и министр дал ему возможность выговориться. Когда ограниченный словарный запас Ивана Игнатьевича иссяк и он начал без конца повторять одну фразу: «я верен делу партии до конца», Андрей Антонович указательным пальцем правой руки аккуратно приподнял одну из звезд Героя на мундире собеседника. И спокойным сильным баритоном произнес: «Иван, если ты не уймешься, я тебя не пугаю, я сниму не одну звезду с тебя, а обе, и одна из них уж точно окажется на груди у твоего начальника штаба. Но где ты сам будешь тогда? Уймись, Иван... ибо факт фальсификации документов о предоставлении тебе Звезд Героя в январе и сентябре 1944 года получит огласку».

Гречко имел достоверную информацию о том, что Ивана Игнатьевича только раз удостоили звания Героя Советского Союза – в январе 1944-го. При награждении повторно

обычно говорилось: «за то-то и то-то наградить второй Золотой Звездой и соорудить бронзовый бюст на родине Героя». Но оттого что вновь представленные документы были сфальсифицированы (заменяли только дату), то и в сентябрьском указе обязательных слов о бюсте на родине дважды Героя не оказалось. И лишь спустя некоторое время – еще не закончились бои – аппаратчики наградного отдела спохватились и скорректировали указ, дописав, что И. И. Якубовский награждается *второй* звездой и в его честь на родине следует соорудить бюст. Так подтасовка приобрела законную силу. А все из-за того, что не дай бог сообщил бы кто о промахе Сталину или Берии, то сотрудникам наградного отдела шкур своих не спасти.

Но наша страна всегда отличалась тем, что не было ничего тайного, что бы не стало явью... для тех, кому положено все знать.

Не мог не знать сей тонкий нюанс Иван Игнатьевич. И не стоило после войны в пьяном угаре делать бурю в стакане. Штеменко в этом конкретном случае можно было назвать буквоедом, бюрократом, но только не фальсификатором. И какова же цена подвигам командира бригады подполковника Якубовского? Если нам скажут, что он-де был на войне, нюхал порох, узнал почему фунт лиха, так разве ж мало на советско-германском фронте командиров бригад, а тем более подполковников, нюхавших порох, не удостоены не то

что Героя Советского Союза, но зачастую даже солдатской награды ордена Красной Звезды... даже посмертно... так и ушедших от нас безвестными героями...

А вот Иван Игнатьевич пекся о личной сытой жизни, о славе и о незаслуженных наградах больше всего на свете. Факт присвоения первой Золотой Звезды оброс за десятилетия байками. Но факт остается фактом. В конце 1943-го – начале 1944-го года бригада подполковника Якубовского находилась в глубоком тылу на перевооружении и пополнении. Оснащалась воинская часть британскими танками, которые имели низкую проходимость, и тогда один из умельцев бригады порекомендовал установить на гусеничные траки острые шипы, тем самым повысив проходимость танков по снегу. О конструктивном изменении полетела на Лубянку шифровка от особиста бригады. Информация легла на стол Лаврентию Павловичу, который счел ее забавной и при одной из ближайших встреч с вождем рассказал об этом, добавив фразу, ставшую крылатой: «Некий Якубовский, товарищ Сталин, подковал Черчилля». Сталин, находясь в хорошем расположении духа, юмор наркома внутренних дел воспринял положительно. И, чудеса: юмор превратился в Золотую Звезду Героя.

В послевоенные годы «гениальность» генерала Якубовского росла постоянно, а всплески ее приходились на смену политической ориентации в Кремлевских кабинетах.

Маршал Советского Союза Гречко припомнил и недавнее заседание Военного совета государств – участников Варшавского Договора, на котором Иван Игнатьевич, как тогда говорили, выступил с историческим докладом. «Товарищи! Весь советский народ, воодушевленный историческими решениями XX (очередного) съезда КПСС, семимильными шагами осваивает космос, увеличивает надои молока и поголовье скота на душу населения...» Затем Маршал Советского Союза, как и полагается, отдал должное проклятым империалистам, зарвавшимся маоистам, коварным сионистам, проискам империалистических разведок во главе с цитаделью империализма – США... и стоящей на страже завоеваний Великого Октября славной Советской армии, в которой он и коммунисты армии клянутся хранить бдительность Советской армии как зеницу ока... как завещал великий Ленин... и т. д. и т. п.

Трехчасовое чтение текста, набранного политработниками генерала Волкогонова, вряд ли кто слушал. Тем более находившиеся в зале генералы братских стран, не очень хорошо владеющие русским языком; к тому же все знали, что эта галиматья на следующий день будет опубликована в органе Министерства обороны СССР «Красной звезде» и в военных газетах стран – участников войск Варшавского Договора.

...Маршал Гречко взглянул на Ивана Игнатьевича, огромной тушей возвышающегося в кресле, бледное лицо которого выражало тупость заевшегося военного чиновника и абсо-

лютное развращение властью. С уст Гречко невольно сорвалась фраза: «Откуда ж ты такой, а, Иван Игнатьевич? Говорят, ты отличился в битве за Москву и был любимцем Сталина... Ты отличился, Иван Игнатьевич, когда командовал придворной Кантемировской дивизией. Ты тогда, в 53-м был готов выполнить любой приказ».

Якубовский видимо пришел в себя, потому что тут же ответил: «Андрей Антонович, а как бы вы поступили на моем месте?»

Андрей Антонович еще не успел ничего сказать, как его собеседнику стало настолько плохо, что адъютанту министра пришлось срочно вызывать врача. Тот рекомендовал немедленно доставить Якубовского в кардиологический центр ЦВКГ – Центрального военного клинического госпиталя имени Бурденко.

Следующая и, пожалуй, последняя встреча двух военачальников – Якубовского и Штеменко – состоялась через несколько лет по окончании командно-штабного учения, которым практически руководил генерал армии Штеменко. Ибо главком почти все время отсиживался на даче командного состава в Подмосковье, где его уже не окружали (о, возраст и немощность!) артистки из военного ансамбля, как это было в бытность его командования войсками Киевского военного округа.

Звезды, понятное дело, ни с плеч ни с груди у Ивана Иг-

натьевича никто не отобрал, но и Штеменко не стал в этой истории выигравшим. К его Звезде на галстук не добавились обещанные алмазы, соответствующие статусу Бриллиантовой Звезды Маршала Советского Союза. Зато на груди министра обороны СССР Маршала Советского Союза А. А. Гречко, ставшего к тому времени членом Политбюро ЦК КПСС, оказалась вторая геройская Звезда, – в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР. А на малой родине соорудили бронзовый бюст.

Андрей Антонович стал недосягаем для всех полководцев минувшей войны – находившихся ли в строю или на заслуженном отдыхе Маршалов Советского Союза. В том числе и для обрюзгшего и постаревшего Сергея Матвеевича Штеменко, чьи награды он «перехватил». Кстати, в определенном кругу ходила даже байка, что Штеменко, не стерпев нанесенной обиды, стрелял в Гречко...

Штеменко, пожалуй, единственный, кто в своей книге «Генеральный штаб в годы войны.» (ч. 1–2, 1968–73) указал – сколько было произведено награждений высшей полководческой наградой – орденом «Победа» – советских и иностранных граждан и сколько всего было изготовлено этих орденов. Он не назвал лишь ордена «Победы», которые были вручены без огласки в указах... Скорей всего, Сергей Матвеевич этого не знал... Либо ему было запрещено говорить об этом... Орденов «Победы» без огласки удостоены два советских гражданина: один был митрополитом Русской Пра-

вославной Церкви, второй – одним из руководителей бывшего Коминтерна.

И что любопытно: Сергей Матвеевич также описал как готовилась форма одежды Генералиссимуса Советского Союза, варианты которой, по словам Сергея Матвеевича, были отвергнуты Сталиным. Живым манекеном для этой цели служил начальник тыла Красной армии генерал армии Хрулев, которого многие считали умелым хозяйственником. Кстати, он впоследствии не подписался под клеветой Хрущева на Сталина...

Я видел Сергея Матвеевича Штеменко незадолго до его смерти. Он тогда посетил главную базу Черноморского флота – Севастополь, побывал на кораблях 30-й дивизии, где его весьма любезно встречали матросы и офицеры. Многие осознавали, что они соприкасаются с человеком, чей образ в сознании советских людей долгое время ассоциировался с войной и лично с руководителем партии и Советского государства – Сталиным. Штеменко олицетворял дух недавно прошедшего времени, времени жестокого и трагического, времени глубочайших загадок и романтического энтузиазма. Времени, особенности и коллизии которого наложили свой неизгладимый отпечаток на судьбу этого военачальника.

...Мне, тогда ищущему и горячему, любящему размышлять все хотелось понять: любил ли этот человек – нет, не власть, не награды, не славу, а: кормушку? И, размыслив,

я ответил себе однозначно: нет, не любил... он не мог полюбить ее, потому как просто ее не заметил, не хотел замечать... ибо разве можно заметить веселое благо и разгульные удовольствия жизни, когда тебе всего только 34 года, ты полон неистраченных сил и мощной энергии, и тебя вот бросают в пекло жизни... о, тогда даже мощь Везувия кажется ничтожной в сравнении с тем, что ты пережил в свои молодые годы...

История 2

«Степан Шаумян» и бакинский комиссар

О, эти прямые и пересекающиеся, неисповедимы их траектории! Одна давняя история гласит: в конце 20-х годов XX столетия середь бела дня в июле на траверзе мыса Сарыч произошло столкновение эскадренного миноносца «Степан Шаумян» с гражданским транспортом. Командующий флотом Иван Кузьмич Кожанов, с облегчением узнав, что во время ЧП никаких жертв нет, а обоим кораблям нанесен лишь небольшой материальный ущерб, как и положено, назначил комиссию для выяснения причин аварии. Естественно, чтобы принять меры к недопущению подобных фактов в будущем.

Судя по всему, командующий не счел нужным доложить об этом происшествии своему морскому начальству в Москву. Но за него это сделал (а разве могло быть иначе?!) начальник особого отдела Черноморского флота. Через некоторое время командующий был вызван в Москву на заседание Политбюро ЦК. Когда он вошел в кабинет, где Сталин заслушивал одного из партийных руководителей, вождь остановил выступающего, взглянул на вошедшего флагмана флота и сказал: «Па-аясните, ш-што произошло у вас на флоте».

Командующий флотом, флагман флота 2-го ранга И. К. Кожанов в кабинете не растерялся и громко-запальчиво выдал: «Товарищ Сталин, столкновение произошло в самой узкой части Черного моря».

Генсек подошел к нему, прикоснулся указательным пальцем ко второй пуговице на кителе командующего, внимательно, словно заглянув в глубину сердца, посмотрел в его глаза. Затем развернулся и пошел вдоль сидящих за столом членов Политбюро. Остановившись у рабочего стола, вождь не спеша выковырял из трубки пепел, постучал ею о пепельницу и повернувшись к участникам заседания, спокойно произнес: «Ну што ж, та-аварищи, командующий флотом сказал, што ста-алкновение произошло в самой узкой части Черного моря и вполне возможно, што капитаны судов нэ смогли разойтись. Это как в той сказочке: два козлика встретились на-а узком проходе в горах и никто не хотел уступать. А-ани ста-алкнулись лбами, сбили друг друга и улетели в пропасть. Ви свободны, товарищ Кожанов».

Кожанов Иван Кузьмич / 12 (24).5.1897–22.8.1938/, советский воен. деятель, флагман флота 2-го ранга (1935) (за бурную молодость его называли б... н 1-го ранга). Чл. Коммунистич. партии с 1917. Род в станице Вознесенской, ныне Лабинского р-на Краснодарского края. С 1916 учился в гардемаринских классах в Петрограде. В 1918, командуя на Вост. фронте отрядом моряков, участвовал в боях с белочехами и белогвардейцами в Поволжье. С авг.

1920 командир Мор. экспедиц. дивизии, участвовал в разгроме десанта ген. Улагая на Кубани. В 1921 участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа. С 1921 чл. РВС Черноморского флота, в 1922–24 нач. Мор. сил Тихого ок. Окончил Воен. – мор. академию (1927). В 1927–30 воен. – мор. атташе в Японии. В 1930 нач. штаба Балт. флота. В 1931–1937 командующий Черноморским флотом. Награжден орденом Красного Знамени и орденом Красной Звезды.

...В 1938 году Кожанов, бывший одним из руководителей РККФ, был приговорен к смертной казни как враг народа. В камере он попросил лист бумаги и карандаш и написал на имя товарища Сталина просьбу о помиловании. В ней он указал, что вот в таком-то году и при таких обстоятельствах товарищ Сталин ему поверил и он просит поверить ему и сейчас в том, что ни в чем не виновен...

Сталин, которому доложили о прошении Кожанова, приказал Поскребышеву подать письмо и тот сразу же вынул из папки исписанный лист бумаги. Вождь пробежал его глазами и начертил резолюцию, произнося при этом вслух: «За-а кого ви меня принимаете? Ви говорите, ш-што расстояние от мыса Сарыч до турецкого берега – самое узкое место. Нэ могу не согласиться с вами. Спецы-алисты утверждают, што это так. И я сам сма-атрэл на карту, – точно, самое узкое место. Но за кого ви нас принимаете? Што в июле месяце при штиле два корабля столкнулись в Черном море в ясную погоду и на-анесли материальный ущерб советскому государ-

ству... Нэ вижу оснований для отмены приговора».

Наложив текст поверх исписанного листка, Сталин отпустил Поскребышева, но тот, прежде чем развернуться и уйти, сказал: «К вам на прием просится товарищ Микоян, он в приемной, и я полагаю, он по этому же вопросу». «Ну харошо, пусть зайдет», – бросил вождь.

Анастас Иванович Микоян, не объясняя никаких мотивов, попросил за бывшего флотского начальника. Сталин не спеша вышел из-за стола и несколько раз прошел туда и назад мимо наркома пищевой промышленности. Микоян, словно флюгер, каждый раз поворачивался вслед. В какой-то момент вождь вплотную подошел к нему и, взяв его за клапан нагрудного кармана, негромко сказал: «Так ты тоже, Анастас, ш-щитаешь, што узкость виновата? Ну ш-што ж, я отменю приговор, если ми в Баку на-а месте мемориала 26-ти Бакинских комиссаров да-пи-шим 27-ую фамилию: Анастас Иванович Микоян. Председателем совнаркома тогда бил Стэпан Шаумян? ... Также, как эсминец назывался... Так договорились дописать фамилию? Тогда Кожанов будит жить... Или нэ дописывать?»

Микоян, весь трясясь, упал на колени и, выклянчивая себе жизнь, целовал мягкие кавказские сапоги вождя. Сталин свысока наблюдал эту отвратительную картину, затем пнул Микояна ногой, презрительно бросив: «Па-ашел вон!»

Комиссары Бакинской коммуны... В классической советской литературе сказано, что при поддержке английских интервентов буржуазные националисты и контрреволюционеры – мусаватисты, эсеры, меньшевики – в конце июля 1918-го временно задушили Советскую власть в Баку, арестовали и бросили в тюрьму бакинских комиссаров. Среди них были председатель Бакинского СНК и нарком иностранных дел С. Шаумян, нарком внутренних дел П. Джапаридзе, комиссар и зам. наркома М. Азизбеков, комиссар по делам народного хозяйства И. Фиолетов, другие комиссары, в том числе и Анастас Микоян (по понятным причинам имя последнего среди членов этой организации в энциклопедиях и справочниках не значится).

Далее действия развивались, – согласно мнению советских историков, – по следующему сценарию: большевикам удалось освободить приговоренных к расстрелу комиссаров, доставить их на пароход «Туркмен», который отплывал из Баку. Но контрреволюционное командование судна взяло курс на Красноводск, где в то время были англичане, и передало революционных деятелей Закавказья местным эсеровским властям.

Ранним утром 20 сентября 1918 года 26 комиссаров Бакинской коммуны были расстреляны между станциями Перевал и Ахча-Куйма Закаспийской ж/д. Через два года их останки перевезли в Баку и похоронили на площади, которую так и назвали: Площадь 26 бакинских комиссаров.

Итак, из всех арестованных членов бакинской коммуны остался в живых один – Анастас Иванович Микоян. Любопытно, кто же предал легендарных революционеров Закавказья?

Ответ напрашивается невольно: тот, кто остался в живых... Но вот как было на самом деле?

Микоян Анастас Иванович /р. 13 (25). 11.1895, с. Санаин, ныне Туманянского р-на Арм. ССР/, советский гос. и парт. деятель, Герой Социалистич. Труда (1943). Чл. КПСС с 1915. Окончил Арм. духовную семинарию в Тбилиси, учился на 1-м курсе Эчмиадзинской духовной академии. Вступив в РСДРП, вел парт. работу в Тбилиси, Эчмиадзине, сотрудничал в с.-д. печати. После Февр. революции 1917 организатор Эчмиадзинского совета, затем пропагандист в Тбилиси, Баку, чл. Тбилисского к-та партии. И т. д.: делегат..., член... редактор газеты... В марте 1918 участвовал в подавлении контрреволюц. мятежа мусаватистов, был ранен. Летом 1918, в период борьбы с герм. – тур. интервентами, комиссар бригады Красной Армии; участвовал в руководстве боевыми действиями на фронте. После временного падения Сов. власти в Баку в июле 1918 пред. подпольного горкома партии. Предпринял попытку (!) освободить арестованных бакинских комиссаров, но сам был арестован в Красноводске и лишь случайно с неск. товарищами (?) избежал расстрела; находился в красноводской, затем в кизыл-

арватской и ашхабадской тюрьмах. В февр. 1918 по требованию Бакинских рабочих англ. оккупанты (ну очень требований рабочих испугались) вынуждены были освободить М. (освободили за то, что он был стукачом и выполнил свою гнусную функцию?) с группой арестованных и выслали из Закаспия в Баку.

А вот, для сравнения, выдержка из «Энциклопедического словаря», изданного государственным научным издательством «Большая Советская энциклопедия», Москва в 1954 году.

Микоян, Анастас Иванович... В сент. 1918 был арестован англ. интервентами, сидел в тюрьме вместе с 26 бакинскими комиссарами и лишь случайно избежал расстрела.

Как видим, хотя суть событий скрыта, однако четко расставлены акценты: сидел вместе с 26-ю и спасся не с несколькими мифическими товарищами, а один...

...В народе одно время говорили: от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича... Во времена руководства страной Лениным Анастас Иванович стал членом Политбюро РКП(б), членом ЦК стал до 1917-го года. Был выдвинут на ряд руководящих должностей в партии, в 1926-м избран кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б), а в 1935 Сталин ввел его в Политбюро ЦК ВКП(б). После смерти Сталина он являлся членом Президиума (Политбюро) ЦК КПСС все вре-

мя правления Хрущева, до октября 1964 года. Пришедший к власти Леонид Ильич Брежнев оставил Микояна членом Политбюро ЦК до 1966 года. А членом Президиума Верховного Совета он оставался до конца своих дней.

Когда под Первым секретарем ЦК КПСС Хрущевым зашаталось кресло партийного руководителя, Анастас Иванович уверенно посоветовал Никите Сергеевичу согласиться с решениями Пленума ЦК КПСС и ничего не предпринимать. Он – с 1958 по 1964-й год – был первым замом председателя Совета министров СССР. За верноподданность Никите Сергеевичу он в июле 1964 года был назначен на должность формального главы государства – Председателем Президиума Верховного Совета СССР. И оставался в этой должности до декабря 1965 года.

Из уст в уста ходил тогда в народе анекдот. «Анастас Иванович, говорят вы не пользуетесь зонтиком и ваш костюм никогда не намокает под дождем». На что лукавый Анастас Иванович отвечал: «А я, товарищи, хожу между струек дождя». В этом простом анекдоте народ передал сущность Микояна.

А вот еще анекдотец из жизни. В 1953-м Анастас Иванович занимал пост министра внутренней и внешней торговли СССР. Как известно официально, в марте того года умер Сталин. Власть сменилась. Прославляя культ личности вождя, немало в этом преуспели деятели искусства, в частности, кинематографисты. В советских фильмах образ вели-

кого Сталина был воплощен народным артистом Советского Союза, многократным лауреатом Сталинской премии Геловани. Легенды говорят о том, что после смерти Сталина талантливый артист остался без работы, и неудивительно, – подули иные ветра... Тогда артист не смог ничего иного придумать, как при случае подарить усы и парик товарища Сталина, которые ему приклеивались на съемках... руководителю партии товарищу Хрущеву. А было все так.

Никита Сергеевич, принимая его, сочувственно сказал: «Мы в ЦК, товарищ Геловани, ни в чем вас не упрекаем, вы артист и, судя по всему, хороший. Я думаю, вы заслужили персональную пенсию». Растроганный кавказец, не зная как благодарить Первого секретаря ЦК, дрожащими руками открыл свой портфель, вынул оттуда парик и усы и положив их с краешку стола, с акцентом произнес: «Товарищ Хрущев, это все, что осталось от моей главной и единственной роли. Возьмите на память и освободите мою душу от греха». Откланявшись, благодарный артист покинул Кремлевский кабинет.

Никита Сергеевич, как говорят, долго ходил около сталинского парика с усами и как-то по особенному рассматривая эти артефакты безграничной власти, все бормотал что-то невнятное, затем, схватив обеими руками парик, натянул на свою лысую голову, после чего умудрился прилепить и усы. Очевидно, Никита Сергеевич хотел ощутить себя в образе великого диктатора, на мгновение представив себя великим

горцем.

В это время отворилась дверь и в кабинет вошел Анастас Иванович Микоян. Увидев такое преображение, – даже нет, внезапно и бесповоротно поверив в случившееся, Микоян всплеснул руками и скороговоркой произнес: «Слушай, дорогой товарищ Сталин, ты опять вернулся в свой кабинет. Тут, пока тебя не было, эта жирная свинья та-ко-го-о натворил!» Никита Сергеевич, услышав подобные слова, в ярости сорвав с себя парик и усы, возопил: «Да как ты смеешь, неблагодарный Анастас!» Но тот, не растерявшись, тут же произнес: «Как я тебя, Никита Сергеевич? Только ты один способен понять подобные шутки». ...Недаром говорят, Анастас Иванович Микоян – самый хитрый из армян.

Эту байку, как и некоторые другие, я слышал от тех, кто занимал должности секретарей ЦК.

История 3

...достоин справедливой большевицкой пули

Эта была одна из тех ночей, когда на состояние размышлений и поступков Генсека влияли естественные явления природы. В ту ночь глубокой осени с низко висящих над столицей облаков лил не знающий конца и края косой дождь. Иногда порывы ветра в кремлевских закоулках и по крыше завывали пьяно и резко, с мистической жуткой силой.

Закончив работать с документами, вождь остановил взгляд на часах, время было далеко за полночь, и перевернул листок откидного календаря. Встал, прошелся вдоль стола заседаний, посмотрел на массивную хрустальную пепельницу, разломил несколько папирос с хорошим югославским табаком, набил им свою трубку и положил ее около пепельницы. Делал он это методично, не спеша, отработанным однажды и навсегда приемом. А его взгляд, казавшийся отсутствующим, наверняка погрузился в недалекое прошлое.

Вождь в мягких сапогах так же неспешно подошел к столу и взглянул на черную конструкцию кремлевской «вертушки». Его некрупная кисть легла на трубку и долго лежала. Через какое-то время характерный гортанный голос уже будил товарища наркома: «Ты што, съ-пишь, Анастас? В это

время надо нэ спать. Надо или работать или любить жен-шину. Приезжай. Надо поговорить».

Через несколько минут в кабинет вошел Анастас Микоян, один из комиссаров Бакинской коммуны. Вождь молча указал дымящей трубкой на стул и спросил: «Скажи, Анастас, сколько мусульман било в Бакинской ка-аммуне?» Микоян не впервые слышал от вождя вопросы по поводу Бакинской коммуны. И всякий раз он не мог понять: всерьез говорит Генсек или просто шутит, – дотошно-жестоко, в своем дьявольски-изощренном стиле. Но каждый раз, когда он об этом спрашивал, мелкая дрожь пробегала по спине и долго не могли остановиться трясущиеся колени.

Микоян давно уже заметил, что при вопросах о Бакинской коммуне Сталин внимательно, словно подопытного кролика, рассматривает его. И при этом не подходит близко, а смотрит издалека, из глубины кабинета, но всегда – внимательно, словно давая понять, что знает о нем даже то, что и ему самому не известно... Однажды вождь ему сказал: «Анастас, у тебя так трясутся ноги, ш-то, боюсь, што у тэбя отвалятся яйца. А как жи-ы тогда ты будешь спат с Ашхен? ...И потом: слушай, я все-о понимаю, но па-ачему ты женился на эта-ай армянке с такой фамилией: Туманян. Мне говорят, ш-што она твоя то ли два-аюродная или какая там се-стра».

Неизвестно, что мог сейчас спросить Сталин. Помимо того, что уже спросил. Микоян опять трясся, а вождь, неужи-

данно подойдя к нему и направив в его голову дымящуюся трубку, сказал: «Среди бакинских комиссаров было только двое мусульман: Азизбеков и Везиров. А а-стальные били, как ты думаешь, – кто? Авакян, Костандян, Барьян, председатель совнаркома Ша-аумян, русские Петров, Корганов, Фиолетов, грузины Джапаридзе, Николайшвили... слю-шай, а кто ты у меня... ты тоже вроде би Микоян, а значит, армян».

Кураж, папахивающий смертью, исходил из уст вождя, и Микоян всем своим дрожащим сердцем ощутил неистребимую жажду Сталина в очередной раз потешаться над ним. И горше всего, что неизвестно: когда переступится критическая черта, за которой наступит расплата...

...Как член совнаркома Азербайджана, Анастас Микоян, как и его соратники, проводил террористическую линию укрепления своей власти: производились массовые расстрелы заподозренных в сотрудничестве с мусаватистами и белыми. При этом изымали миллионы денежных купюр из промышленников, легко уничтожая несогласных, бросая их в тюрьмы. Но, даже несмотря на репрессии, власть все никак не могла состояться. Вот и два комиссара – левоэссеры Покровский и Киреев – сделали попытку бежать, спасаясь от участи строителей счастливого будущего для всех советских граждан... Их поймали и по предложению Анастаса Ивановича Микояна, которое безоговорочно поддержали все ко-

миссары, расстреляли... Предателям не место в светлом будущем...

Сталинская трубка с мундштуком, словно дымящийся после выстрела ствол нагана, вновь мелькала перед испуганными глазами бывшего бакинского народного комиссара. «Так как ты думаешь, какова причина, ш-то белые проиграли в минувшей войне? Только не говори мне цитатами из «Правды». Ну ш-што ты весь трясешься? Хочешь, сказать ш-то нэ знаешь правду... Если знаешь, – так и скажи; нэ знаешь, – тоже скажи. Но если знаешь и не говоришь, чего ты тогда достоин? Правильно дрожишь... достоин справедливой большевистской пули... Но я тебя должен просветить, ш-тоби ты всэгда знал кому когда и ш-што говорить о Советской власти».

И, глядя на трясущегося собеседника, неожиданно добавил: «И самое главное, ты должен запомнить, што говорить о товарище Сталине. А о нем ты после его смерти будешь говорить всякие гадости... Себя будешь примазывать к великому Ленину, а товарища Сталина великим ш-щчитать нэ будешь. Ти будешь с ним поступать так, как поступаешь сейчас в отношении бакинских товарищей... Послушай, я скажу тебе, почему белые проиграли эту войну... Когда у Колчака били одни победы весной 1919 года, у него под ружьем било более 130 тысяч солдат. А у Деникина – 65 тысяч, у Юденича – 11 тысяч. А в нашей Красной армии – полтора

миллиона... Когда наступит осень 1919 года, наступит время побед Дэ-никина, у него будет почти 170 тысяч человек. А у Колчака останется менее 50 тысяч. У Юденича вообще 10 тысяч... Численность же нашей армии большевиков составляла почти 4 миллиона... Па-анимаешь, в чем сила... ш-то наша армия была могучей?»

Сталин подошел так близко к Микояну, что казалось, – еще мгновение – и, будь он тигром, разорвет на части. Он словно зашипел: «Количества такого невиданного па-адъема виз-вано было действиями Троцкого. Это – психология, и никакой любви народа к большевикам и к Троцкому никогда не было... Повторяю: это психология толпы... Вся страна – царская Империя – превратилась в два чудовищных лагеря. Но если ты в эту сказку поверишь, то эта будет брехня... потому ш-то в любом вооруженном конфликте большая часть всего населения, к кому бы она ни тянулась, остается инертной... И вот эту огромную массу Троцкий положил на лопатки... Он осуществлял тотальные мобилизации, массовые расстрелы, жестоким, искусственно насаждаемым голодом, и чудовищной пропагандистской обработкой неграмотного населения... ми-то хорошо знаем, что в наших партийных рядах идейных большевиков было 4 %, а более 20 % объявляли себя сочувствующими... И ми... знали их мотивы... почему они так сочувствуют... Троцкий создал массовую разруху, тем более ш-то только што закончилась Первая мировая война... Он сделал все возможное, ш-тоби

остановить проми-шленность, заглушил сельское хозяйство, которое би-ло лучшим в мире до 1914-го года. И от сельского хозяйства не отставала наша проми-шленность... А Белые армии были в основном добровольческими... И служить в нее шли люди, согласно своих убеждений... Любая мобилизация насильственными методами со стороны белых повернулась би против них. Применять же белый террор, как это делал Троцкий, а-ни не могли. Потому што этим самым они би перечеркнули сво-аи монархические идеалы, за которые они сра-жались и превратились би в ба-альшевиков. Это могли себе позволить только Махно, Дутов, Григорьев, Семенов, а-атаманы наши-и... А-ни словно падшие анархисты. Нэ признавали ни царской законна-сти, ни троцкистского правопорядка. Для них та же идея ва-азрождения России нэ представляла ценности. Ибо любое возрождение российской государственности возможно только чэ-рез законность. Ты же слышал, Анастас, ш-што атаманину на-азивали белым большевизма-ам...»

Сталин глубоко затянулся и неспешно стал выпускать изо рта дым, наблюдая за сизыми облачными сгустками. Он не обращал никакого внимания на собеседника, отчего казалось, что тот его вовсе не интересуе; однако вождь продолжил. Его рассуждения были странными, но странными для того, кто их слушал. А не для самого вождя, ведавшего куда как больше, чем все, кто жил и творил – хорошее ли, плохое ли, – в его утомительно-горькое время. Впрочем, в по-

добные минуты он общался не с тем, кто стоял рядом, а с тем, кто невидим, но вечноприсутствующий, кто всегда выше нас... Это знание пришло к Сталину после того, как его земная карма была подкорректирована ученым Барченко... Он разговаривал с высшими силами.

«Одной из самих больших причин поражения царских генералов би-ло то, ш-то они не были политиками. И Троцкий это знал, когда учился в а-амы-рыканском университете. Армия российского Императора би-ла всегда вне политики и использовалась царем только в том случае, когда на нашу землю нападал враг. А получилось, што армия, которой руководят толковые царские генералы, – но не политики, – должны воевать са-а своим народом... против своего народа... Психологически, практически ни одному царскому генералу нэ был понятен этот феномен. Ни один из генералов не шел на поступки, дела которых могли у-ущемлять интересы России... Это Троцкий, продавшись амы-рыканцам, торговал интересами России. Не царские генералы заключали с иностранными государствами договора, а Троцкий заложил всю Россию и Аляску заокеанским за-аправилам капитала. А народу пообещал счастливый социалистический рай... А царские генералы своей бескомпромиссностью в отношении к сва-аей да-арогой России нажили сэ-бе врагов в лице но-вих властей и тех же и-иностранцев. Правительство Ленина, под влиянием Троцкого, без за-азрения совести заключало договора со всеми иностранцами... хоть с чертом,

лишь бы удержаться у власти. Причем на любых условиях... Троцкий обещал все, што можно и што нэ можна-а. И, конечно, его, а не царских генералов, поддэрживали заокеанские финансовые воротила...

Должен заметить, Ленин проиграл Троцкому, потому што был бес-толковим. Но почувствовав вкус власти, он ра-азрывал некоторые соглашения с западными державами, которые и-нициировал Троцкий. А объяснял он это на заседаниях совнаркома тем, што в этих договорах отпа-дает нужда. Эта-а царским генералам совсем би-ло непонятно. Существенным основанием для поражения талантливых русских ва-ае-начальников, возглавившим белое движение, было то, што-о воспитанные в духе серебрянного века русской культуры, генералы нэ умели нагло врать, нэ умели обещать за-алотые горы и давать заведомо не-ви-пол-нимые обещания. А-ни не использовали такого острого оружия, как пропаганда. А ведь ты, Анастас, хорошо знаешь, што газета – самое острое, самое сильное оружие нашей печати. И большевики, ведомые Троцким, максимально использовали силу пропаганды, великолепно развили до мак-сы-мального совершенства искусство дезинформации, ль-жи и клеветы. На ви-исоком профессиональном уровне троцкисты обработали чуть ли не все регионы нашей родины. И красный тыл, и белый тыл, области и края... Все регионы страны просто били атакованы ди-а-метрально противоположными лозунгами и а-абсолютно разным набором дезинформации... этими различны-

ми пра-а-па-гандыстскими поездами с а-агитбригадами. И ти знаешь, кто в этом хорошо постарались? Не комиссары... Троцкий не зря учился в Америке в университете, он ха-аро-шо усвоил уроки психологии, подчеркиваю, психологии русской толпы. Троцкий никогда не сумел би совершить пере-ворот в сознании русского народа, если би он не привлек в качестве основного стержня пропагандистской работы в агит-поездах, на агитпараходах жен-щин – Коллантай, Землячку, Крупскую, Стасову, Гопнер, Фотиеву, Седову, Камене-ву – все они были нэ только революционными шлюхами и профессиональными пропагандистками, но и сильными пси-хоаналитиками, знания и о-пит которых Троцкий использо-вал при создании ВЧК. Благодаря действиям Троцкого и его опоры на этих б...й удалось создать мощный пропагандист-ский и репрессивный а-аппарат, равному которому мир нэ знал... И все эта-а объяснялось народу как злодеяния и про-иски врагов. Э-та-ат символический образ настолько довлел над русским народам, што э-тот народ легко заглотил про-водимые под руководством Троцкого и Ленина террор, раз-руху, продразверстку... Более того, народ поверил раз и на-верное на-авсегда, што в этом повинны глупый Николашка, царские генералы, памеш-щики и капиталисты.

Троцкий и его бабский прапагандистский а-аппарат ви-шщали на всех углах России, што чем быстрее ми ра-азобь-ем белых, тем быстрее на земле наступит коммунистический рай. В пра-тивном случае в России установится ад... Следу-

ет учесть, што Россия би-ла богомольная и верующая страна... Троцкий использовал в своей борьбе и такой важный аспект. Царские генералы не устраняли причин смуты и хаоса в нашей стране в период Первой мировой войны, зато использовались Троцким и его амырыканскими заправилами, которые привели к власти правительство Ленина, законодательную власть Свердлова, а над ними – вождем Троцкого.

...Конечно, такого драконовского террора для установления своей власти, мир нэ знал. Ты, Анастас, хорошо видел те прикази-и, которые подписал Ленин... Ми сейчас истребили тех, кто эти прикази тогда ви-полнял. Я тебе прямо скажу. Сейчас у нас осень 1938 года. Если би ми нэ избавились от этих ру-уководителей террористической армии, называвших себя Рабоче-крестьянской, ми би не сумели создать такое государство, как Советский Союз».

Неожиданно для оцепеневшего Микояна Сталин замолчал, как-то подозрительно взглянул на давно погасшую трубку, отошел от стола, затем еще раз посмотрел на трубку и положил ее на свой рабочий стол. Вернулся за пепельницей, стоявшей на столе заседаний, неспешным жестом взял ее двумя руками и перенес на рабочий стол. Такими же спокойно-неспешными движениями вычистил из трубки пепел, постучал ею о пепельницу, и в наступившей тишине Микоян отчетливо услышал волшебный звон хрусталя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.